

«ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК» НАД ЯПОНСКИМ ВУЛКАНОМ

Вновь и вновь поднимался занавес над сценой праздника русского лубка, столь близкого нашему сердцу здесь, в Японии, которая впервые, кажется, могла убедиться в исконности давно знакомых, но всегда остававшихся чисто «сувенирными» матрешек, чайных баб, бородастых бояр и лихих латных воинов — всего луковично-ситцевого сказочного государства царя Додона. Зал не отпускал: несло не только восторженное «браво», но еще какие-то абсолютно неслыханные в знаменитом токийском «Бунка-кайкане» звуки восторга и восхищения. И сразу подумалось: на этот раз Евгений Федорович Светланов, кому в большей степени зал был обязан этим праздником искусства, оказался неправ... Но сначала о разговоре, который состоялся перед спектаклем.

— Евгений Федорович, конечно, само сочетание Светланов и Большой театр закономерно. Однако уже многие годы в Японии вас встречали как дирижера Государственного симфонического оркестра Союза ССР, и вот вы знакомите японского слушателя с «Золотым петушком» — оперой, здесь не известной, да и у нас основательно подзабытой. Как бы вы прокомментировали это событие?

— Я всю жизнь связан с Большим театром, всегда мечтал поставить «Золотого петушка». Мне исполнилось 60 лет — и моя мечта наконец сбылась. В этом я вижу хорошее предзнаменование. По прибытии в Японию на пресс-конференции меня спросили, почему «Золотой петушок» так долго не ставился в Большом театре. Откровенно скажу, на этот вопрос ответить не так-то просто. Можно, конечно, ссылаться на то, что эта опера трудна. Но я считаю, что любая опера, даже самая трудная, даже «Кольцо Нибелунгов» Вагнера, может быть поставлена, если будет проявлено желание, приложены усилия. Певцов найти можно, они у нас есть, многих мы даже не знаем, нередко они появляются в столице лишь на гастролях. Так что объяснять все трудностями было бы самое легкое. Я же говорю о том, что «Золотой петушок» был запрещен еще в царское время. Римский-Корсаков умер, так и не услышав своего последнего шедевра. Это довольно редкий случай. После смерти композитора опера была поставлена, но цензура очень постаралась изменить содержание и смысл. А ведь автор предупреждал: никакие поправки невозможны ни в тексте, ни в музыкальном материале.

После революции оперу возобновили в 20-е годы в несколько экспериментальном духе: первая сцена, когда Додон проводит «совещание» со своими боярами и полководцами, почему-то проходила в парилке. На мой взгляд, это никак не вызвано содержанием, но... Мейерхольд экспериментировал, и другим тоже хотелось. После этого «Золотой петушок» в Большом театре не ставился более 60 лет.

На пресс-конференции я объяснил это направлением пушкинской сказки, которая была еще более заострена и либреттистом, и композитором. Гениальная насмешка над тупой властью, не способной грамотно руководить страной, вызвала отпор не только при царе, но и при Сталине, Хрущеве, Брежневе. Лишь сейчас, в наше перестроечное время, опера вернулась на сцену. Пусть это звучит тенденциозно, но я готов развить эти тезисы: доказать их справедливость.

— Вероятно, опыт постановки «Золотого петушка» принес вам и удовлетворение, и определенные трудности. Можно только догадываться, что в значительной степени они связаны с тем, что оркестр Большого театра — не ваш оркестр, с которым вы единое целое. Каков же итог: захотелось ли вам поскорее вернуться в родную сферу симфонической музыки или же у вас родились какие-то новые планы, связанные с постановками Большого театра?

— Мои родители были артистами Большого. Со дня рождения я душой и телом всегда с этим театром, никогда не мыслил себя вне его, даже в период, когда официально там не работал. Сейчас же я уже шесть лет после постановки «Китежа» официально работаю в Большом и хотел бы закончить свою творческую жизнь в его стенах. Когда мы готовили «Золотого петушка», возникла мысль вновь вернуться к тому, с чего я начинал, — к опере «Псковитянка»: в 1955 г. я впервые встал за пультом Большого (тогда еще в филиале), дирижируя этой оперой. Пока это лишь желание, решение от меня не зависит. Но хотелось бы надеяться, что это осуществится и как можно скорее.

— Сейчас много пишут о кризисном состоянии нашей музыкальной культуры, имея в виду, конечно, не профессионализм — русская музыкальная школа с ее глубокими корнями продолжает отстаивать свои высокие позиции. Проблема — в чрезвычайно узкой слушательской базе, в нехватке хороших музыкальных инструментов, залов, репетиционных и т. д. Какие пути выхода из создавшегося положения видите вы, один из ведущих советских музыкантов?

— Перечисленные вами моменты, являющиеся серьезным препятствием в нашей деятельности, в работе музыкантов-исполнителей, симфонических коллективов, к сожалению, имеют место. Отрицать их значило бы стать в позу страуса, который прячет голову под крыло. Но это вовсе не означает, что препятствия непреодолимы. В первую очередь требуются желание и компетентность руководства. Я уже не раз говорил, что, к сожалению, проблемы музыкальной жизни, музыкальной культуры нередко решают абсолютно случайные, не соответствующие этой роли лица. И, конечно же, самое трудное — реализовать уже принятые постановления. Я имею в виду в первую очередь строительство концертного зала в Москве. Такое постановление принято за подписью Председателя Совета Министров СССР тов. Рыжкова Н. И. За образец взят «Гевандт-хаус» в Лейпциге. Так что проект даже не нужно искать. Остается его реализовать. Место в Москве мы найдем, но вот осуществить строительные работы, найти подрядчика... Все это в наших условиях чрезвычайно трудно. Проще говоря, все упирается в деньги, в валюту. Ведь в стране есть другие проблемы, более важные с государственной точки зрения, так что наши музыкальные вопросы, невольно вновь и вновь отодвигаются на дальний план. В том числе и строительство столь необходимого концертного зала. Хотелось бы, чтобы новый министр культуры (кто он будет, я не знаю), засучив рукава, вместе со своим штатом взялся бы за реализацию правительственного решения. Конечно, совместно с нами. Мы готовы помочь чем угодно — давать благотворительные концерты, готовы буквально во всем участвовать.

Что касается музыкальных инструментов, то к нам они поступают регулярно. Сейчас жалоб от артистов оркестра, которым я руковожу, уже нет. Все удовлетворены. Однако действительно нередко купленные на валюту инструменты попадают не туда, куда нужно. Скажем, великолепные духовые инструменты — трубы, саксофоны и т. п. — получает только-только начинающий самодеятельный коллектив. Я не хочу обидеть самодеятельность, я всегда очень высоко отзываюсь о ней, считаю, что порой самодеятельность дает сто очков вперед профес-

сионалам. Но когда у наших лучших коллективов нет инструментов, конечно, в первую очередь нужно обеспечивать их.

— Вы сказали: «С точки зрения государственной политики есть более важные проблемы»... Чем вопросы культуры?

— Ну мы с вами не дети. Нужно смотреть правде в глаза. Как бы мы ни хотели, как бы мы ни считали культуру проблемой «номер один», соответствующие специалисты скажут: дорогие товарищи, не увлекайтесь. Ведь когда, скажем, существует острейшая потребность накормить народ, то без залов можно и обойтись...

— Но ведь без культуры народ никогда не накормить.

— Да, это тесно связано. Поэтому я и говорю о компетентности руководства: можно найти решение этих вопросов, если понимаешь их значение.

— Мы с вами беседуем в Японии, где вы уже многие годы желанный, почетный гость. Что бы вы сказали об отношениях: Япония — японцы — и Светланов, его музыка, его творческие планы.

— Ровно через год запланированы очередные гастроли Государственного симфонического оркестра в Японию. Это совпадает с величайшей датой — 150-летием со дня рождения П. И. Чайковского. Естественно, по всему миру эта дата будет торжественно отмечаться. Будет она отмечаться и у нас, будет отмечаться и в Японии. После торжественных дней в Москве (я являюсь председателем юбилейной комиссии) мы садимся в самолет и направляемся в Японию, где на этот раз музыка Чайковского будет представлена очень широко. Последнее я хотел бы подчеркнуть. Мне, только что завершившему 30-летний труд по записи антологии всей русской симфонической музыки, особенно ясно, насколько мы обедняем сами себя, а следовательно, и слушателей, повторяя все одни и те же музыкальные произведения. Возьмите Чайковского. Какая огромная палитра у этого композитора, еще не известная ни нашей, ни зарубежной публике. Пользуясь юбилейными торжествами, мы попытаемся расширить знакомство с музыкой Чайковского.

Очень хорошо, что Большой театр, может быть, впервые в советское время, обращается к опере «Орлеанская дева», постановка которой также будет приурочена к знаменательной дате. Мы со своей стороны через филармонию представим Чайковского в полном виде.

В душе я не столько артист (хотя и это есть), сколько пропагандист. В любой стране, где выступает наш коллектив или я в качестве пианиста, мне хочется прежде всего познакомить людей с нашим искусством. Это моя задача.

Японию я полюбил с первого посещения. Мне кажется, это было четверть века назад. Время летит быстро: душой мы молоды, но седина налицо. Я все время хочу понять этот народ: процесс этот длительный и увлекательный. Ведь то, что лежит на поверхности, — это лишь вершина айсберга, большая часть которого скрыта от глаз, находится под водой. Мне хотелось бы познать психологию этой нации. Можно говорить об отдельных людях, интеллекте, ведь каждый человек всегда представляет свой народ, свою нацию, соответственно — национальную психологию.

Мне кажется, что за долгие годы знакомства с Японией мне что-то удалось сделать в этом плане. Так я думаю, что важная черта этого народа прекрасно выражена в образе Чо-Чо-сан, в ее словах: мы скромны, свои чувства храним... Японцы сдержанны, их страсти — вулканического происхождения. Внешне они не бешут...

На этот раз Светланов действительно ошибся: вулканическая лава вырвалась на поверхность, и восхищение прекрасным спектаклем, высоким искусством потребовало на сцену всех исполнителей (Артура Эйдана, Елену Брылеву, Нину Гапонову, Ирину Удалову, хор, балет), всех создателей (постановщика Георгия Ансимова, художника Марину Соколову, руководителя хора Станислава Лыкова) и, конечно же, Евгения Светланова, с которого и начался этот незабываемый спектакль.

Поистине настоящее искусство не знает границ, и уже одно это позволяет предсказать «Золотому петушку» триумфальное шествие по странам мира. Будем надеяться, что и по нашей стране, ждавшей этой встречи 60 лет, тоже.

Владислав ДУНАЕВ.

(Соб. корр. АПН — специально для «Советской культуры»).

ТОКИО.

● Е. Светланов.

Фото В. Машатина.